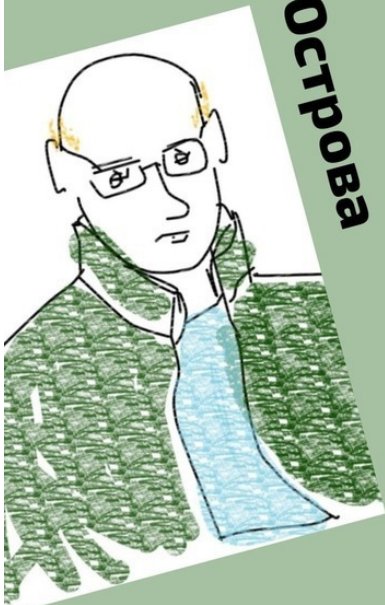

Илья Смирнов

Мои Острова

Илья Смирнов

Мои Острова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36329800

ISBN 9785449306036

Аннотация

Острова бывают важные и неважные, большие и маленькие, долгоживущие и только что образовавшиеся. Остров Дружков-Пирожков дарит нам дружеское общение, Остров Дальних Путешествий приносит яркие впечатления и неожиданные встречи, Остров Удачной Рыбалки – это целый отдельный мир со своими законами и правилами, традициями и условностями, победами и поражениями. У каждого из нас – свои Острова, но это именно Острова. А между ними раскинулось кислотное море ненужного пространства и времени.

Содержание

Предисловие	6
Остров	8
Как меня могло не быть	8
Первое воспоминание	12
Ириски	14
Жвачка	16
Лилипутская любовь	18
Как я чуть не спалил целый курорт	19
Бюст	22
Гипс на дереве	24
Бесценная макулатура	27
Коптельский	28
Игры, в которые играли дети. Дети, которые играли в игры	30
Первый раз первый шнапс	37
Буль-буль	39
Семейный Остров	41
Два цыплёнка	41
Криминальная история	46
На кладбище	49
Промазал	54
Пасха	57
Привет, ромалы!	58

Гонка развооружения	61
Дуня	70
Остров	72
Звёздочки	72
Чуни	74
Операция «Белочка»	78
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Мои Острова

Илья Смирнов

*Моим любимым островитянам,
упомянутым в этой книге*

Иллюстратор Анастасия Смирнова

© Илья Смирнов, 2018

© Анастасия Смирнова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-0603-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

И наш старый фрегат «Лавр Георгиевич» пролетал мимо островов, с которых порой высовывались фиги и тянулись в сторону «Лавра». На других островах сияли туземные рожки, измазанные повидлой, а в пампасах пели хором какие-то младенцы без набедренных повязок. Всё это мелькало мимо наших бортов, пролетало, не задевая души.

Юрий Коваль. Суер-Вьер

Когда-то я воспринимал окружающую меня действительность единой и неделимой. Мне казалось, что вокруг меня непрерывная жизнь, в которой я перемещаюсь в нужном мне направлении и делаю остановки в необходимых мне местах. Но как-то (года три или четыре назад) я вдруг неожиданно для себя обнаружил, что пространство вокруг меня отнюдь не непрерывно, а совсем даже наоборот – категорически прерывисто.

Точнее, не то чтобы прерывисто, а сильно неоднородно – одни его участки разительно отличаются от других. Есть места, которые очень важны для нас, и там мы проводим большую часть своего времени. Есть обширные пространства, которые нам совершенно безразличны. Существуют также абсолютно неприемлемые места, в которых нам не хотелось бы

оказаться. А иногда это не просто место. Не просто дом, не просто участок или местность. Иногда это – люди, отношения, образы. В общем, мы все живём на Островах.

Вот о моих Островах и будут эти довлатовки – короткие истории, которые случились на самом деле.

Остров Моего Детства

Как меня могло не быть (рассказ моей мамы)

Дело было в 1943 году. Мы жили в деревне Вишенки, в Тульской области. Мне было семь лет. Недалеко от скотного двора была запарка – небольшой домик с печью и котлами, в которых запаривали жмых, муку, грели воду (скотину зимой поили тёплой водой). Возле запарки был брошенный колодец, воду брали из другого, около сельсовета. Снега в ту зиму намело много, до самых крыш. В низине снег лежал наравне со срубом колодца, да и весь колодец был скрыт снегом. Вот туда-то я и влетела.

Как летела, не помню. Очнулась, а кругом темно и только высоко вверху кусочек светлого неба. Ничего не понятно. Потом догадалась, что упала в колодец. Как потом оказалось, он был очень глубокий. Им не пользовались, так как в нем было мало воды.

Стояла я не на самом дне, а на утопленном ведре и при малейшем движении оно покачивалось, норовило сбросить меня. Так что стоять надо было очень смиренно, почти не ше-

велясь. А ещё, как потом рассказывали деревенские, строители колодца на дне оставили лом. И он стоял наискосок с угла на угол, и если бы я попала не на ведро, а на лом, то шансов бы выжить не было.

Стою я на ведре, ледяная вода мне по плечи, далеко-далеко вверху – кусочек неба. Страху нет, но любопытно. Сейчас я умирать буду. Детям в деревнях всегда криком кричат: «Не подходи к колодцу! Отойди от колодца!». А если очень хочется заглянуть в колодец (а кому же не хочется), так вот возьмёшь кого-нибудь их взрослых за руку и осторожно заглянешь. А внизу – бездна и ворота в ад. Жутко делалось.

А наверху в это время происходило следующее. Пятилетний мой братик Робик стоял неподалёку и тихонько бормотал: «А Алка наша в колодец упала, а Алка наша в колодец упала». Он настолько испугался, что у него был ступор. Наконец, мимо проходила моя двоюродная сестра Фая, услышала эти слова, но не поверила. Уж очень это было невероятно и страшно. Стала с пристрастием выпрашивать у Робика, где я.

А я стою и мне не страшно, а интересно. Через некоторое время в проёме колодца появилась голова Фаи и послышался голос: «Алка! Ты жива?». Отвечаю «да». «Потерпи, не бойся, мы тебя достанем».

Убедившись, что я действительно в колодце, Фая опростелью кинулась к матери на скотный двор. А там были скотники, доярки. Началась паника, люди знали, что это за колодец,

знали, какой он глубокий, знали, что это практически смерть для маленькой девочки.

Стали привязывать ведра на вожжи, но они хоть и были длинными, но их не хватало. Тогда вожжи связали между собой. Наконец, до меня доползло несколько вёдер. Но время прошло много – то решали, как меня доставать, то бежали на конюшню за вожжами. В общем, моё пальто, валенки и прочая одёжка набухли водой и стали такими тяжёлыми, что влезть в ведро я сама не могла. Да и не хотелось мне особо как-то. Апатия наступила. И продолжала думать, что вот они все стараются, а сделать всё равно ничего нельзя. И я всё равно буду сейчас умирать.

А наверху приняли решение привязать вожжи поперёк палки, на которую посадили моего одиннадцатилетнего двоюродного брата Володю. Самого его тоже привязали к вожжам и стали опускать в колодезь. Когда я это увидела, то поняла, что умирания не будет, откладывается.

С большим трудом Володе удалось вытащить меня из воды и запихнуть в большое конское ведро. Затем он обхватил меня изо всех сил, крепко прижал к себе, и нас стали поднимать наверх. Вот тут-то мне и стало страшно. Страшно было висеть на большой высоте. Страшно было, что ведро оборвётся. И вообще всё стало очень страшно.

То ли от холода, то ли от страха меня стал бить колотун. Зубы стучали очень громко. Наверху меня схватили (народу сбежалось много, вся деревня) и бегом потащили в тёп-

лое правление колхоза. Затем переодели в чьё-то платье. Нашёлся тёплый платок, тулуп. К этому времени уже были готовы сани, запряжённые лошадьё, и меня помчали домой – на другой конец деревни.

Дальше была тёплая русская печка, большая кружка чая с мёдом, тёплый хлеб. Но хлеб сразу я есть не могла, только пить. Потом меня растёрли спиртом, проверили, нет ли переломов. Единственной травмой оказались ободранные подушечки пальцев правой руки, варежка с которой слетела и колодезный сруб проехал по пальцам.

Я не заболела, простояв в ледяной воде около часа. Но с тех пор меня в деревне звали Алка-которая-упала-в-колодец.

* * *

А через двадцать пять лет у Алки-которая-упала-в-колодец родился я.

Первое воспоминание

Первое моё воспоминание относится ко времени, когда я представлял собой запелёнатый в байковое одеяло початок. От кукурузы меня отличало наличие голубых глазёнок (по свидетельству мамы) и присутствие пронзительного фальцета (по свидетельству папы).

Примерно через месяц моим родителям стало тяжело меня поднимать, и они решили измерить мой вес. Кроме того, нужны были конкретные цифры, чтобы можно было похвастаться перед знакомыми и друзьями. Запакованный очень аккуратным образом, я был доставлен в близлежащее медицинское учреждение для проведения необходимых измерений.

Младенцы в грудном возрасте отчаянно делают вид, что ничего не понимают. На самом деле им лень принимать на себя проблемы и тяготы этого несовершенного мира. В животике у мамы было гораздо спокойнее. А тут: то жарко, то холодно, то светло, то темно, то есть не дают, то кормят через силу. Бардак, а не мироздание. А то ещё придумали взвешивать на Страшных Весах.

Я с детства был смышлёным парнем и рано начал изменять мир. Когда меня уложили на металлическое корытце и врач отошла к столу записать мою фамилию перед взвешиванием, я исхитрился и своей красивой розовой пяткой на-

жал на рычажок, отпускающий гирьки. Весы от неожиданности крикнули и издали металлический щелчок. Врач обернулась. Мама испуганно подняла руки и показала пустые ладони. Лицо у неё было как у школьницы, только что попавшейся со шпаргалкой.

Врач подошла и посмотрела на дело моих пяток. И засердилась. Неправильно отпущенные на свободу гирьки набрали скорость и обрушились всей бездушной массой на беззащитный рычаг. Не выдержав такого грубого отношения, рычаг пал духом и был сломлен. Взвешивание стало невозможно.

Все, конечно, отнесли это на дело случая, и в общем-то правильно. Это дало мне возможность ещё пару лет прожить совершенно беззаботно. Но взвешиваться я до сих пор не люблю. Хотя незаметно ломать рычаги весов перестал. Потому что теперь меня тоже интересуют цифры.

Ириски

Когда я был маленький, я очень любил ириски. Это были такие коричневые квадратики, аккуратно завёрнутые в гладкие разноцветные бумажки. Эти конфетки были собраны по десять штук и упакованы в прямоугольные длинненькие тубусы с изображением корабля на глянцевой поверхности. Они назывались «Ледокол». Я собирал их зимой в лесу. Да-да, все собирают в лесу грибы, ягоды и преимущественно летом, а я любил собирать ириски зимой.

На выходные мы с папой садились на станции Каланчевская на электричку, доезжали до станции Дедовск, шли минут 40 пешком и оказывались на нашей даче в садоводческом товариществе с советским названием «Тимирязевец». Старенький картонный домик, сарайчик, берёзы. Шесть соток, из которых две занимал пожарный пруд.

Отопления не было. Мы иногда (когда они доставались в заказах родителям на работе) жарили сосиски на костре, резали огурцы, помидоры, пили крепкий чай с сахаром и лимоном из термоса. На морозе это было как-то по-особенному вкусно.

А потом начиналось самое интересное – мы шли гулять в лес. Лес я любил с самого раннего детства и всегда обожал в нём гулять. Хотя теперь у меня закрадывается мысль, что, может быть, я и полюбил-то лес из-за этих ирисок. Лес был

большой, дремучий и в нем никого кроме нас не было, но папа прекрасно ориентировался, знал все тропинки и просеки, никогда не боялся заблудиться.

Первое время мы шли молча, я ждал. Папа говорил, что по опушкам ириски обычно не растут. Потом я не выдерживал и потихоньку бросал взгляды под ёлки, заглядывал под кусты, тайком откидывал снег в надежде увидеть вожаделенные квадратики.

Наконец, папа говорил:

– Илюш, а ну-ка посмотри под той ёлкой.

Всем известно, что ириски растут только под большими раскидистыми ёлками. Я стремглав мчался под указанную ёлку и – о чудо! – прямо в снегу обнаруживал ириски. Потом я уже сам искал и собирал их, собирал, собирал. Только иногда папа указывал на какое-нибудь особо ирисочное место. А так я всё находил сам, папа мне почти не помогал.

К концу нашей прогулки ирисок набирался целый пакет, целый огромный пакет самых настоящих ирисок, и я был абсолютно счастлив. Возвращались домой поздно вечером, долго тряслись в электричке, потом ехали на автобусе. Домой папа вносил меня уже спящего на руках. Мама укоризненно качала головой: опять ириски собирали, странники вы мои. Вместе с мамой они раздевали меня спящего и укладывали в кровать. Но пакет с ирисками я крепко прижимал к груди, и всю ночь мне снились огромные ириски под махровыми раскидистыми елями.

Жвачка

Во времена моего детства в СССР не было никакой жевательной резинки. Ну, то есть на самом деле был в Таллине завод «Калев», который выпускал какое-то подобие жевательной резинки, но это было там, у них. Прибалтика была почти за границей. Потом в магазине «Олень» на Ленинском стали продавать жвачку в виде сигареток. Но это было значительно позже, когда я пошёл в школу. А в описываемые времена я даже в школу ещё не ходил.

Моя мама работала в театре. И вот однажды ей какая-то народная артистка, приехавшая только что из-за рубежа, подарила пачку настоящей французской жвачки. Она была великолепна. Длинная пачка (сантиметров пятнадцать!), она хранила целых тринадцать изумительных пластинок. Запах от них исходил покрепче запаха ванильного мороженого, продававшегося в цирке, послаще аромата новогодних мандаринов и посильнее амбре, которое издавал настоящий кожаный ремень моего друга, подаренный его папой-лётчиком на день рождения. Мне хотелось запихнуть их все сразу в рот и умереть абсолютно счастливым. К сожалению, там не было вкладышей (они очень ценились), но зато сама пачка была ярко-красной, и блестящая поверхность её была вся расписана красивыми надписями на иностранном языке.

Это было настоящее сокровище. Мне было шесть лет.

В то время у меня были шикарные клетчатые штаны на лямках, сшитые мамой из кусочка ткани, оставшейся от костюма Карлсона. Эти штаны я носил не снимая. Впереди был квадратный прямоугольник, к которому на груди пристёгивались лямки двумя огромными пуговицами. И вот в этом импровизированном кармане, у сердца, я и носил целый день свою «прелесть».

Вечером я пошёл в туалет и отстегнул две огромные пуговицы. Моё сокровище змейкой скользнуло в унитаз и скрылось в недрах канализационной системы. Жить дальше было незачем.

Всю ночь прорыдал я у мамы на груди. А наутро она пошла на работу и, презрев гордость, у той же народной артистки выпросила ещё одну пачку жвачки для своего бестолкового сына.

С тех пор я очень не люблю комбинезоны, подтяжки и штаны на лямках, а к их владельцам всегда отношусь крайне подозрительно. Зато люблю Францию, Париж и особенно французское розовое анжуйское.

Лилипутская любовь

Мама работала в театре художником по головным уборам. Однажды ей довелось делать какие-то шляпы для цирка лилипутов. Мы тогда жили в старом доме в Коптельском переулке, и к нам на примерку приехала руководитель этого цирка Майя Боровинская. Она была очень миниатюрная – ростом чуть больше метра. И очень симпатичная, прямо как куколка, только живая. Мама примеряла Майе шикарную шляпу, они напряжённо работали.

Майя мне понравилась. Она была совсем как дети в песочнице, где я часто играл, но гораздо симпатичнее, и от неё шёл обворожительный запах. Только она была на высоких каблучках и с макияжем. Мне было четыре с половиной года. Я подошёл к Майе, ласково взял её за руку и повёл в свой угол, где принялся показывать ей свои самые лучшие игрушки. Мама смутилась, ситуация была не совсем удобная. Всё-таки руководитель цирка. Неизвестно, как она отреагирует, лилипуты болезненно относятся к своему росту, просят их называть не лилипутами, а маленькими людьми. Но Майя приняла неожиданную ситуацию с юмором, что для лилипутов, кстати, большая редкость. Мы немножко с ней поиграли, а потом она поехала руководить своим цирком.

Как я чуть не спалил целый курорт

Моя бабушка Мария Михайловна очень много курила. И не признавала ничего, кроме Явы Явской. То есть сигареты марки «Ява», произведённые именно на заводе «Ява». Дело в том, что сигареты этой марки производились также на заводе «Дукат». Видимо, они были хуже. А спички у бабушки были необычные. Вернее, сами спички были обычными, но у неё был стальной чехольчик с монограммой, который одевался на обычный коробок спичек, превращая его в стильную и значительную вещь. Вот этот коробок я и взял, уходя играть после обеда.

Мне было лет семь или восемь. Всё лето мы с бабушкой жили у старинной её подруги Марии Яковлевны, в дряхлых сарайчиках километрах в пяти от Анапы. Это был самострой. Ветхие, собранные из случайных досок строения, являлись прибежищем для нескольких семей приезжающих, согласных на урезанные бытовые условия в обмен на близость моря и дешевизну отдыха.

В тот день стояла обычная южная летняя жара. Воздух маревом переливался над землёй. Земля плавилась. Пахло выжженной травой, листьями диких маслин и морем.

Мне давно хотелось попробовать поджечь сухие коричневые корни маслин, которые я насобирав в близлежащих дюнах. Мальчишки говорили, что они горят, как бенгальские

огни, выпуская искры и шипя огненной змеёй.

За нашими сарайчиками был небольшой пустырь, заросший травой выше человеческого роста. Трава высохла до порохового состояния. Я зашёл в центр этого пустыря, разгрёб местечко от травы, сдвинул несколько камней и на них положил корешки. Чиркнул спичкой.

Мир вокруг вспыхнул весь и сразу. Я моментально оказался в центре сплошного моря огня. Каким-то чудом я выскочил из этого ада и помчался в ужасе – куда глаза глядят. Тем временем бушующее пламя стремительно двигалось в сторону деревянных домиков отдыхающих.

Прибежав на берег моря, я упал на песок и заплакал. У меня была абсолютная уверенность, что жизнь моя закончилась, потому что спалил свою бабушку, её подругу Марью Яковлевну, других отдыхающих и весь курортный посёлок Бемлюк-2.

Несколько жутких часов я провёл на берегу моря, не решаясь возвращаться назад. Вечерело. Вдалеке всё ещё поднимался в небо чёрный столб дыма. Как не отдалял я этот миг, но надо было возвращаться на пепелище, вдруг всё-таки кто-то выжил после огненного ада, устроенного мною.

Пустырь выгорел дотла, до мелкой чернильной пыли. Сарай устояли под натиском огня. Только стена ближнего сарайчика немного обуглилась от чудовищного жара, потому что жильцы вовремя бросились поливать её водой и несчастья не произошло.

Несожжённая бабушка бросилась ко мне:

– Ты где был?!!! Я так волновалась, – она трясла меня за плечи. Голова моя болталась, как яблоко на трясущейся ветке.

Вечером я не выдержал и с крокодиловыми потоками слез всё рассказал бабушке.

– Молодец, что рассказал. Надо быть честным, но я и так всё знала, – бабушка улыбнулась и достала из кармана обтрёпанного халата обгоревший чехольчик от коробка спичек с монограммой.

Бюст

Памятники я не люблю. Не нравятся они мне. Особенно памятники Ильичу. Нет в них полёта мысли. Я их и крушить-то начал одним из первых. До перестройки ещё, в школе когда учился.

Дело было на уроке музыки. Урок проходил в актовом зале нашей довольно-таки средней школы. Пели мы, пели, и вдруг учительницу посреди урока вызывают к директору. Мы, третьеклассники, понятное дело обрадовались такому повороту событий, и давай играть в прятки! А на сцене нашего актового зала стояла здоровенная тумба, обтянутая кушачом. На ней унылым монументом – бюст вождя октябрьской революции. Хорошо помню тот трагический момент. Двое моих друзей уже спрятались в тумбе, счёт ведущего заканчивался, а мне было прятаться совершенно некуда. Ну, я к ним пытался пристроиться. Они не пускают. А я настойчивый такой, пёр изо всех сил, очень проигрывать не хотелось. Ну и поднажал, послышался треск, а потом и чудовищный грохот.

Тут учительница наша возвращается. Входит в зал, и вдруг из-за тяжёлого бархатного занавеса к её ногам выкатывается что-то большое и белое, в чём она с ужасом узнаёт бюст великого вождя с проломленным черепом.

Разбирательства были серьёзные, родителей к директору

таскали. Политику пришить нам, третьеклассникам, пытались – дело-то было в 1978 году, перестройкой и не пахло ещё. Но обошлось. Купили им нового вождя, даже больше прежнего. Он стоил месячную зарплату папы.

Гипс на дереве

Большая часть моего летнего детства прошла на даче в Дедовске, в пятнадцати километрах от Москвы. У нас был участок, стандартные шесть соток в садовом товариществе. Их выделили моему деду Дмитрию Яковлевичу за его заслуги перед родиной и партией. Он был крупным чиновником в Министерстве сельского хозяйства и специалистом по льну. А также секретарём партийной организации.

Дачная мальчишеская жизнь богата приключениями. Одним из самых главных занятий был футбол. Однажды мы пошли играть сразу после дождя. Трава ещё не высохла, и мяч быстро стал мокрым и тяжёлым. Естественно, в игре все хотели быть нападающими и никто не хотел быть вратарём. Я был одним из самых младших, поэтому на ворота поставили меня.

И вот, стою я на воротах. И тут удар прямо мне в лицо, я успеваю поднять руки и вдруг чувствую ужасную, дикую, невозможную боль. Я бросаю мяч и бегу, бегу, не разбирая дороги, не видя ничего вокруг, прочь от ворот, от футбола и предательски тяжёлого мяча. И когда силы мои кончаются, падаю ничком на траву и вою раненым зверем.

Старшие ребята смеются, потом, видя, что я не встаю, встревоженные подбегают ко мне. У меня дико болит рука, и я не могу пошевелить ею. Я лежу и тихо скулю. Кто-то го-

ворит: надо ему спирта налить, он обезболивающий. Откуда-то появляется спирт, и мне наливают целый стакан. Я выпиваю стакан спирта, и мой 14-летний организм отказывается дальше функционировать.

Совершенно пьяного, со сломанной рукой меня приносят домой и сдают на руки родителям. Родители, конечно, в шоке. Делать нечего. Немного протрезвев, идём с папой пешком километров пять в город Дедовск (никаких машин в нашей семье тогда не было), там больница. Меня качает и тошнит.

Огромный краснорожий дядька-хирург хватает мою несчастную руку и вправляет её, я чуть не теряю сознание от боли. Накладывают гипс.

После этого играть в футбол, понятное дело, я уже не мог. Поэтому переключился на более спокойные игры: карты, домино, шахматы.

Проходит время, рука болит всё меньше. Кожа под гипсом ужасно чешется, и я потихоньку чешу её ручкой ложки. Но гипс должны снять только ещё через две недели. Да и не спешил я, честно говоря, его снимать, ведь благодаря ему мне удавалось отлынивать от всех дачных дел, которые мне поручали родители.

А в то время мы целыми днями играли с друзьями в карты. Мы играли в дурачка по одному рублю партия. Кстати, я в то лето проиграл огромную по тем временам сумму – сто пятьдесят рублей. Надо заметить, что мой отец, ведущий ин-

женер завода «Рубин» с двадцатипятилетним стажем, получал в то время около двухсот рублей в месяц. Впоследствии половину моего долга мне подарили друзья на день рождения, а половину я им отдал через год, заработав деньги рабочим по саду в музее-усадьбе В. Д. Поленова.

И вот однажды сидим мы под черёмухой, режемся как обычно в дурака. А с гипсом, надо сказать, карты держать крайне неудобно. Ну, я аккуратно взял и снял его. И повесил рядом на дерево.

В это время возвращался с работы мой отец. И видит следующую картину: сижу я, играю с азартом в карты, а рядом гипс висит на дереве. Мне было мучительно стыдно, и мои отговорки от домашних поручений закончились.

В тот раз он меня крепко пожурил, но с тех пор, когда он не очень верил моим словам, он саркастически говорил: «Да-да, гипс на дереве...».

Бесценная макулатура

Пятый класс. Я, Колька по кличке Николая и Тёма Никитин поздним вечером, часов в одиннадцать, подходим к высоченному бетонному забору на улице Мусоргского. За забором пункт приёма макулатуры. Тёма подсаживает меня, я влезаю на забор, затем лезет Колька. Вместе мы помогаем залезть Тёме. Теперь надо пройти путь по кромке забора метров десять. Мы медленно идём, балансируя и громко дыша. Вокруг чёрная-пречёрная ночь. Где-то воеет милицейская сирена.

Наконец, мы спрыгиваем и оказываемся среди бумажного моря. Теперь можно достать фонарики. Начинается лихорадочный поиск сокровищ. «Искатель», «Техника Молодёжи», «Наука и техника». Иногда попадаются бриллианты – иностранные журналы. Наконец, мы понимаем, что улов превышает наши возможности по эвакуации. В полной тишине дёргаем друг друга за рукава, разговаривать нельзя, чтобы не разбудить сторожа. Собираем журналы в сетки-авоськи, полиэтиленовые пакеты тогда ещё были редкостью. Тёма взбирается на забор, ему подаются сетки с добычей. Потом забираются остальные. Подобно вьетнамским разносчикам бананов идём в ночи по узкой полоске забора, балансируя литературным грузом. Надо ещё придумать, где дома спрятать барыш, чтобы не наткнулись родители.

Коптельский

До восьми лет я жил в Коптельском переулке, около института Склифосовского, практически на Садовом кольце. Как и многие в те годы, мы жили в коммуналке на четыре семьи. Справа от входной двери жила брюзгливая старуха Мария Михайловна (тёзка моей бабушки), которая никогда не гасила свет в туалете. Дальше жили семья Тупиц. Не в плане их интеллектуального развития (они оба были профессорами), а фамилия у них была такая. Потом они поменяли её на Короленко. Инка Короленко была старше меня на два года и стала первой моей настоящей любовью. Она научила меня целоваться.

Прямо жили мы, а справа от нас – Левкоевы. Старшего Левкоева звали Игорь Иванович, он был большим учёным, химиком, участвовал в изобретении шосткинской плёнки. На институте кинематографии висит памятная доска его имени. Очень любил читать за едой. Однажды жена принесла ему первое, второе и ушла за напитком на кухню, а он, зачитавшись, вместо киселя съел миску клейстера, приготовленного для заклеивания окон.

Жена его Рита была физиком. Она носила шикарные парики, потому что рано облысела. Дело в том, что она была в группе учёных, которые на заре атомного проекта работали с радиоактивностью. Тогда никто не знал, что это очень

опасная деятельность. Радиоактивные образцы были очень дорогими, пропажа их грозила тюремным сроком. Поэтому Рита проводила опыты в институте, потом клала радиоактивный образец в свою сумку и ехала на метро домой. А утром привозила его опять на работу.

Несмотря на близость шумного Садового кольца, район был тихий, патриархальный. Первые два класса я закончил в пятиэтажной кирпичной школе старого образца в Докучаевом переулке. После этого стало известно, что наш дом предназначен под снос, и нам дали новую отдельную трёхкомнатную квартиру в Отрадном. Кстати, дом до сих пор стоит как ни в чём ни бывало. Только покрасили заново. Несколько раз я специально проезжал мимо, но так и не решился зайти. Побоялся увидеть свою постаревшую первую любовь.

Игры, в которые играли дети. Дети, которые играли в игры

А в Отрадном была совсем другая Москва. Жилые дома для москвичей, переехавших из центра, соседствовали с общежитиями рабочих ЗИЛа, приехавших из глубинки. Их звали лимитчиками. Молодые здоровые парни и девки, оказавшись далеко от дома, куролесили от души. Напившись, парни ходили стенка на стенку с мужиками из Старого Отрадного. Бились цепями и колами. Милиция окружала, но не вмешивалась. Лишь время от времени оттаскивала крайних и грузила в воронки. Потом они как-то быстро все переженились и несколько остепенились, побоища прекратились. Но некоторые так и остались подростками, правда уже с пивными животами.

Нынешнему поколению трудно себе представить, но в начале восьмидесятых у нас, детворы, не было никаких электронных средств для убивания времени и все свободное время проводилось во дворе. Поэтому существовало огромное количество дворовых игр.

Самая популярная в нашем районе игра называлась «банка», хотя исходя из её содержания можно было бы придумать куда более эпическое название. Другое название этой игры – «пекарь». Играли в неё так. Обыкновенная пустая консервная банка ставилась в центр начерченного на асфальте ме-

лом круга, диаметром около метра. От круга отсчитывалось пятнадцать шагов и прочерчивалась линия. У каждого игрока была палка. Длина её могла быть любой, ограничением служил сам процесс игры. Слишком короткой палкой трудно было попасть в банку, да и салить игроков такой палкой было не эффективно. Слишком длинную палку трудно кидать, и быстро убежать с ней было тяжело.

В начале игры все игроки по очереди кидали свою палку с носка ботинка на дальность. Тот, у кого палка оказывалась дальше всех от банки, становился водящим. Водящий занимал место неподалёку от банки, но так, чтобы ему не засветили палкой, а все остальные игроки кидали по очереди палки, пытаясь сбить банку. Если кто-то сбивал, то водящий ставил опять банку в круг, а сбившему присваивалось следующее воинское звание. После того, как все кинули свои палки, игроки должны были забрать свою палку, а водящий пытался кого-нибудь осалить палкой. Иногда в пылу борьбы доходило до синяков и даже до крови. Бывало, сходились и в рукопашной. Тот, кого осалили, становился водилой (водящим). Но салить можно было только, когда банка стоит в круге. Если кто-то сбил банку, то водила должен был сначала поставить банку, а уж потом салить кого-то.

С каждой вновь сбитой от черты банкой ты становился старше по званию, у тебя изменялись права, с каждым новым званием ты становился при броске ближе к банке.

Солдата можно было салить всегда.

Ефрейтора тоже можно было салить всегда, но за исключением рук и головы.

Сержанта салили, как и ефрейтора, но он должен был взять свою палку последним.

Лейтенант был единственным игроком, которого можно было салить как при стоящей в кругу, так и при сбитой банке.

Майора можно было салить только с палкой в руках.

Полковника можно было салить только без палки. Если он взял палку в руки, ему уже ничто не грозило.

Генерала нельзя было салить вообще. Если кто-то дошёл до генерала, то игра становилась кошмаром для водящего. От генерала полностью зависело, кому водить и сколько. Генерал мог просто стоять в кругу и сбивать банку сразу, как только её ставил водила. Если генерал сбивал банку, кидая палку из-за черты, то он становился водилой. Однако он мог салить кого угодно и когда угодно.

Частенько мы заигрывались до темноты и приходили домой грязные и с синяками, за что получали от родителей.

Кроме банки мы играли в пробки. В пробках было две разновидности игры. В первой использовались только пивные пробки. Участники ставили столбец пробок крышкой вниз, внося их поровну в зависимости от ценности пробки – крышка от чешского пива была в четыре раза дороже крышки жигулёвского без надписи, других было мало, со всяким картинками ценились гораздо дороже. В то время в Москве продавалось только два вида пива – «Жигулёв-

ское» и «Золотой Колос», последнее было дороже, поэтому крышки от него ценились выше.

С пяти шагов участники пытались попасть по столбику кусочками кафельной плитки. Мой друг Максим Минченко рассказывал, что у них в компании вместо плиток требовались биты из свинца, без них в игру не принимали, поэтому все овладевали искусством курочить броню толстого многожильного телефонного кабеля (она была из свинцового сплава) и отливали их в виде шайб, расплавив в большой стальной ложке на костре. С первого раза почти никогда не попадали. Тот, кто оказывался ближе всех или попадал по столбику, начинал игру. Осколок плитки надо было выпустить из рук так, чтобы он, ударив по пробке, перевернул её картинкой вверх. Тогда пробка забиралась. Промах – переход хода.

Во второй разновидности играли пробками от шампуней, кремов, любых тюбиков, одеколонов. Самой дешёвой считалась бесцветная пробочка от зубной пасты. Самая дорогая – пробка от одеколona типа «Тройной» или «Шипр» – большая, как напёрсток, с полукружьями по нижней части, как слоновьи копыта, из-за чего и сами пробки назывались «слоники». Белый слоник стоил 6 простых, жёлтый – 8, красный – 10, зелёный – 12. Оранжевые были самыми редкими – 15 белых пробок. Ещё были «плохие» пробки – у которых диаметр был больше высоты. Такими не играли.

Играющие бросают по пробке на землю и на «камень-нож-

ницы» скидываются, кому начинать. Пинком ноги надо попасть своей по вражеской пробке. Простой пробкой по белому слонику надо попасть шесть раз подряд. Слоник имеет два хода против простой пробки. Слоник по слонику должен попасть число раз, равное разнице в цене. Попадание – дополнительный ход. Если в результате удара пробка встаёт на бок – дополнительный ход. Если вверх ногами – два дополнительных хода. Белый слоник против простой пробки всегда ходит шесть раз, а если слоник встал на попа – 12, встал вверх ногами – 18 раз. Естественно, играется только на асфальте.

Другой дворовой игрой была игра в танчики напильниками. С напильника снималась деревянная ручка, для игры нужно было само полотно. Каждому игроку рисовался на земле круг – город, с которого начинается наступление в сторону противников. Зажимая острие между разными пальцами рук или ладоней, нужно было метнуть напильник так, чтобы он острием воткнулся в землю. Если воткнулся – рисовали танк. Ход делали с условной линии имеющихся танков. Когда танки встречаются – начинали сбивать танки соперника бросками напильника, зажатого между пальцами рук. Воткнул в танк – сжёг его, стираешь ногой с земли рисунок, попал в башню – значит, захватил – дуло в сторону соперника перерисовываешь. Задача: дойти до города соперника и захватить его. Видов бросков было около пятнадцати. Например, просто взять напильник за тупой конец и броском

воткнуть в землю – рисовался солдат. Тоже самое, но держа за острие большим и указательным – лёгкий танк (круглая башня), зажал острие между средним и указательным – тяжёлый танк.

Если был мяч, то играли в штандер-стоп. Все стоят в кругу. Ведущий бросает мяч вверх с криком «штандер», все разбегаются, водящий ловит мяч с криком «стоп». В этот момент все застывают. Водящий оценивает позицию, выбирает жертву, называет количество шагов. Делает их и выбивает мячом. Если выбил – тот становится водящим.

Ещё была игра в ножички. Чертил на земле круг и делился поровну на всех участников. Потом все по очереди кидали ножички. Если твой ножичек воткнулся и остался стоять, то ты имел право прирезать территорию по линии ножичка к своей.

Ещё мы играли в фантики. Принимались в игру фантики исключительно от иностранной жвачки, впрочем, нашей ещё и не было тогда. Игра совмещалась с коллекционированием – были малоценные, ими обычно и играли. И был «золотой фонд», в частности вкладыши от подушечек «Дональд». Летали они плохо, зато, проигравшись, можно было поменять один «Дональд» на десяток Spearmint'ов. До сих пор у меня дома бережно хранятся пять альбомов со старинными жвачными этикетками.

На деньги играли в чикку. Проводишь черту, ставишь монетки в столбик и с расстояния метров примерно десять ки-

даешь свинцовую битку. Если попал в стопку, говорят «чика» – и все монетки твои. Если нет, то первым разбивает тот, у кого чика попала ближе всего к столбцу. Чикой нужно перевернуть монетку. Если перевернул – монетка твоя.

Ну и, конечно, старая добрая трясучка. Тут всё просто: игроки скидываются по одинаковому количеству мелочи, и один из них трясёт монетки между ладонями, а второй говорит «орёл» или «решка». Дальше ладони расплющиваются и открываются. Угадывающий забирает все монетки, оказавшиеся в той позиции, которую он назвал. Эта игра как никакая другая вызывала зависимость, и некоторые проигрывали крупные суммы.

Первый раз первый шнапс

Впервые родители дали мне попробовать шампанского на новый 1970 год. Мне было тогда два года. После первого же глотка я решительно бросил пить. Если бы я так делал и дальше, жизнь моя могла сложиться совершенно иным образом. После этого случая я не пил двенадцать лет. Уникальный случай в моей биографии. Этот прецедент частично может быть объяснён тем, что у меня было много других интересов: друзья, компании, девочки. Но в один чудесный день все эти другие интересы собрались вместе и привели меня обратно к рюмке. Сейчас расскажу, как это произошло.

Так получилось, что в школе я всегда дружил со старшими ребятами. В основном это были мальчики и девочки на два класса старше меня. То есть, я был в седьмом, а они были уже совсем взрослыми – в девятом классе. Каким-то образом мне удалось с ними подружиться. Думаю, сначала я втёрся в доверие к девочкам, для них я был милым блондинистым семиклассником. А уже потом, потом их кавалерам деваться было некуда, если они хотели проводить время с девочками. И они стали брать меня с собой в походы, проводить через кордоны на школьные дискотеки и в разные другие интересные, но запрещённые для младших классов места. Даже в летний трудовой лагерь в Молдавию я поехал единственный из семиклассников (брали только с восьмого

класса, но меня отстояли перед учителями мои друзья).

Самым большим моим другом был Сашка Басистый. Он был большим ловеласом и настоящим Дон Жуаном для девочек, а мне досталась роль его слуги Лепорелло. Однажды у него случился день рожденья, и на него он пригласил меня. Это была большая честь – семикласснику попасть на день рожденья к девятиклассникам. Я был на вершине счастья.

В назначенный день, с трудом удержавшись, чтобы не переуться первым, я появился на празднике. В квартире царил оживлённая суета: девочки резали салаты, мальчики разводили папин спирт вишнёвым компотом.

Дальше всё пошло по обычному сценарию: мальчики быстро нажрались, девочки были этим не довольны, но всё же танцевали с мальчиками. Я, как боец не подготовленный, напился быстрее всех и с трудом отправился домой, дабы окончательно не потерять лицо.

Путь мой был тернист и извилист. Дорога не слушалась, деревья бросались на меня, а здания норовили перепутаться друг с другом. Домой я заявился в два часа ночи. Родители были на ногах. Мама ничего не сказала и ушла спать. А папа тихо сказал: «Запомни, ты пьёшь мою кровь...».

Буль-буль

В детстве я собирался учиться играть на пианино. Именно так – я собирался, а не кто-то пытался меня заставить. В третьем классе у меня неожиданно появилась тяга к фортепиано. Меня завораживал чёрный блеск инструмента, контраст клавиш, сияние медных педалей. К музыке я был в общем-то равнодушен. Родители долго выпрашивали меня, пытаюсь определить степень, силу и, главное, долговременность моих желаний. Я был убедителен в своём порыве, пылко описывал волнующие перспективы и убедительно вещал о годах упорных занятий. Родители посоветовались и купили пианино. Инструмент был не простым – известной марки «Беккер». Да ещё на нём играл кто-то из великих, кажется Гилельс.

Однако обучение не пошло, и буквально через пару лет я бросил занятия. Заставлять что-то делать у нас в семье было не принято.

Инструмент пылился у меня в комнате. Мама требовала соблюдать к нему субординацию. Мне категорически запрещалось что-либо класть на него, но я постоянно об этом забывал, поскольку место в моей комнате было в дефиците. Однажды я нашёл ему ещё одно применение – придумал прятать от родителей в отделение со струнами всякие запрещённые предметы.

Шло время. Я был в девятом классе, когда мама реши-

ла собрать у нас дома гостей. Повод я не помню, но кажется, это была какая-то премьера или сдача спектакля. Собралась артистическая интеллигенция. После краткого фуршета кто-то предложил помузицировать. Стали упрашивать уса- того дядьку что-нибудь сыграть. Он долго отнекивался, наконец сел, откинул крышку, занёс руки с длинными тонкими пальцами над клавиатурой. И... забулькал. Я покрылся холодным потом. Накануне я упрятал в пианино две бутылки водки, предназначенные для распития с моими друзьями, и совсем забыл об этом.

Гости смеялись, мама краснела, папа гневался, я сторал от стыда. Водку конфисковали и немедленно выпили в назидание молодому поколению.

Семейный Остров

Два цыплёнка

Первой моей машиной была ржавая «копейка» огненно-рыжего цвета. Мы звали её Цыплёнок. Хотя по возрасту это был скорее древний бройлер. Мой тогдашний начальник купил себе новую машину, а эту ему жалко было выбрасывать. Вот он и премировал меня ею, чтобы деньгами не платить.

Ездить учили меня в основном друзья. Для каждого из них это было серьёзное испытание, связанное с риском для жизни. Из-за плохой координации движений меня ещё в школе выгнали из фехтовального кружка, когда я чуть не заколол тренера. В автошколе я ходил всего несколько занятий, это было необходимо для допуска к экзаменам на права.

Первый раз сдавать на права я приехал в МРЭО на Текстильщиках ранней осенью 1991 года. Накрапывал мелкий дождь, ветер носил по площадке сухие листья, кандидаты в ряды водителей жались в углу. Преодолев кордон из коллег по несчастью, я обнаружил белоснежно белую «Волгу», на которой предстояло проходить экзамен. Инструктор оказался толстым милиционером с будёновскими усами, кон-

цы которых при разговоре совершали замысловатые фигуры. Живот его так растягивал синюю форменную рубашку, что он был похож на беременного гиппопотама. Гиппопотам был с бодуна.

Я сел в машину и пристегнулся, отжал ручной тормоз, взял ключи и приготовился заводить машину. Странно, но отверстия для ключа не было на обычном месте. Я заглянул пониже, осмотрел рулевую колонку, сам руль, оглядел даже торпеду. Дырка для ключа определённо отсутствовала! Меня прошиб холодный пот. Надо было что-то делать. Когда от безысходности я полез под руль, гиппопотам очнулся и с неудовольствием спросил меня:

– Вы что-то ищете?

– Ищу, – обречённо сказал я. Зажатый в моей руке ключ стыдливо совершал режущие-колющие движения.

– И что же? – ощерился гиппопотам.

– Куда ключ вставить, – пролепетал я, понимая всю глубину собственного ничтожества. Наверное, я был похож на жалкого цыплёнка.

– Молодой человек, – злобно сказал гиппопотам, – если вы не знаете, куда вставлять ключ зажигания, то как же вы будете водить машину?

Потом я узнал, что у «Волги» ключ зажигания вставляется не как у «Жигулей» – справа, а слева – с другой стороны руля. Позже я сдавал на права ещё два раза и к счастью никого не задавил. Потом, как и все, купил права.

В первый свой самостоятельный рейс я выехал ранним весенним утром 1992 года. Цвела сирень. Вредные бабушки норовили броситься под колеса. Вертлявые дети опрометчиво готовились переходить дорогу. Неприятные водители во круг осуществляли броуновское движение.

Путь мой лежал из Отрадного на улицу Профсоюзную. Карту я проштудировал, как методы математической физики перед комиссией по студенческим делам. Семья провожала меня со страхом. Мама совала в карман яблоки, отец тайком положил в карман двадцатипятирублёвку, бабушка пила валидол.

Путь до Садового кольца я преодолел довольно успешно. Неприятно было, что машина всё время глохла. Но меня всю дорогу поддерживали пронзительными гудками едущие сзади водители.

Я лихо свернул на Садовое кольцо и стремительно помчался по нему с чудовищной скоростью 40 км/час. Нечего и говорить, что я старался держаться правой стороны улицы, слева машины неслись слишком быстро для моего стиля вождения. Незаметно для себя я проскочил въезд в туннель и был вынужден выехать на улицу Горького.

Ужас обуял меня. Построенная заранее и выученная схема движения рушилась на глазах. Дальше открывалась кошмарная неизвестность. Знаете, когда с вами случается что-то нехорошее, то в первый момент появляется жгучее желание любой ценой вернуть ситуацию в нормальное русло. Это как

будто ты стоишь на перроне, прощаешься с девушкой и стесняешься ей сказать все правильные слова, чтобы она не уезжала, чтобы ещё осталась с тобой, двери закрываются, поезд трогается, и ты понимаешь, какой ты идиот и сколько всего ты не сказал. И бежишь вдоль перрона и кричишь все эти самые правильные слова, но она уже не слышит тебя, а только грустно улыбается на твои беззвучные гримасы. И ничего уже не вернуть.

Свернул я на улицу Горького, чуть проехал и вижу, что слева выезд опять на Садовое. И я, ничтоже сумняшеся, через две сплошных поворачиваю налево, пересекаю улицу Горького и собираюсь двигаться к Садовому кольцу. И тут вижу милиционера. Он от такой наглости чуть свисток не проглотил. Машет палкой, как синица хвостом ранней весной. Делать нечего, останавливаюсь. А глушить машину боюсь, она же потом может не завестись. А там уклон градусов двадцать как назло, ручник не удержит – это точно.

Короче, нашёл выход – мотор не глушу, поставил на нейтралку и упёр её колесом в бордюр. Выхожу, даю документы. Сам выгляжу цыплёнок-цыплёнком.

– Здравствуйте. Что же это вы, товарищ водитель, прямо через две сплошных поворачиваете?

– Не заметил, – говорю. Самое смешное, что это была чистая правда.

– Как это – не заметили? Вы сколько уже за рулём?

– Один день...

– Один день? – милиционер рассмотрел документы, – действительно один день... Ну что же, ради первого опыта и для разнообразия делаю вам устное замечание, езжайте дальше осторожно. И следите за знаками. Счастливого пути!

И вручает мне документы! Это был первый и последний правильный гаишник в моей жизни. Больше не попадалось.

Криминальная история

Мы сидели с моей молодой женой у её родителей в гостях и мирно пили чай.

– Илья, мне нужна твоя помощь...

– Конечно, Рем Борисович.

Когда тебя просит о помощи отец твоей жены, у тебя остаётся небольшой манёвр для ответа.

– Мне нужно, чтобы ты помог мне украсть мусорный бачок.

– Какой мусорный бачок, Рем Борисович? – я привык к неожиданным выкрутасам своих многочисленных родственников и волноваться пока не начинал.

– Ну, такой знаешь зелёный, для мусора.

– А где вы хотите его украсть? – осторожно поинтересовался я, ещё надеясь на несложную миссию.

– Да на соседней улице. Они же у каждого дома стоят. Мы у нашего подъезда брать не будем, это подозрительно, – глаза моего тестя радостно горели.

– А, позвольте спросить, – я внимательно подбирал слова, чтобы не обидеть отца моей жены, – зачем вам эта... мусорная ёмкость?

– А-а-а, – тесть заговорщицки понизил голос, хотя мы были вдвоём, – я в гараже выкопал яму. Мы туда установим бак, и там можно будет хранить картошку!

Картошка зимой – это стратегический продукт для наших родителей. С советского детства и на всю жизнь. Я понял, что мне не отвертеться.

Стемнело. Осенней ненастной ночью подцепили мы прицеп к стареньким «Жигулям» тестя и отправились на дело. В соседнем дворе при свете мрачной луны отсвечивала мечта хранителя картошки. Мы споро выскочили из машины и принялись переваливать через борт прицепа огромный железный бак, благо он был пустой. Эта сволочь была довольно тяжёлая. Изрядно попрыгав, мы все-таки загрузили его в прицеп. Отряхнувшись, мы собирались уже отправиться в путь, когда появились милиционеры.

Подъехав с выключенными фарами, они ждали, пока мы загрузим муниципальное имущество, и только после этого врубили дальний свет.

– Здравствуйте, уважаемые, чего поделываем?

– Да, ничего, – ловко увернулся от прямого ответа Рем Борисович.

Я глухо молчал, испытывая странное злорадство, что все мои опасения осуществились в реальности. Жертве полагается быть обиженной и гордой.

– Ну, так уж и ничего? А это что?

– Мусорный бачок, – сказал Рем Борисович тоном, исключаям всякие сомнения, что это подводная лодка или космический корабль.

– А куда же вы его увозите? – задал милиционер вопрос,

который, как ему казалось, был убийственным в деле уличения нас в преступной деятельности.

– А в нашем дворе бачков мало, вот мы и решили перевезти к нам ещё один, – Рем Борисович старался казаться отчаянно убедительным. Я заметил, что руки у него трясутся.

Нас отвезли в отделение. Усталый майор учинил нам допрос. Было видно, что ему скучно возиться с такими глупыми преступниками. Однако бачок стоил больше ста рублей, это уже тянуло на статью уголовного кодекса. Могильной тюрмой дохнуло на меня от погон усталого милиционера. Наконец, после двух часов разбирательств, определения наших мест работы, выяснения наших учёных званий (мы были оба кандидаты наук) и звонков участковому нас отпустили, обязав вернуть бачок на законное место и больше никогда (слышите: НИКОГДА) не быть замеченным возле каких-либо бачков с неясными целями.

Усталые и убитые мы пошли домой, купили водки и выпили её на кухне. Женщины, как ни странно, приняли нас как героев. Да мы ими и были, просто мы были невезучими героями. Так я окончательно был принят в семью моей жены.

На кладбище

Урну с прахом выдают в крематории только при условии предоставления справки о наличии места на кладбище. Пришлось ехать. Приезжаю на Ваганьковское кладбище. Церковь с куполами, Владимир Семёнович в смирительной рубашке, рядом круглосуточный магазин ритуальных принадлежностей. Интересно, что и кому в нём может потребоваться купить ночью...

Захожу в контору, народу никого. За столом сидит мужик в голубом костюме с искрой, как на Чичикове. Только не брусничного, а небесного цвета. Сверкающая металлическая нить, используемая в ткани, создавала эффект огненных точек.

– Здравствуйте. Мне нужна справка о наличии места.

– У вас удостоверение есть?

– Есть, – протягиваю ему книжицу в коричневом переплёте.

– Знаете, где могила?

– Ну, вообще не очень, был когда-то давно...

– Так может её уже и нет. Как же я вам выпишу справку о захоронении? В воздух? —короткие усики искро-голубого весело топорщатся.

– А разве у вас нет чёткой нумерации? По номеру в удостоверении нельзя найти могилу?

– Ха, – искро-голубой улыбнулся мне, как несмышлёному, – в удостоверении указан только номер участка, а на вашем (он заглянул в удостоверение) 56-м участке больше 2000 могил!

– Ясно. А что же делать?

– Идите, ищите. Может, найдёте. Если таблички сохранились...

Я вышел на улицу. Следом за мной покурить вышел искро-голубой.

– Вот вам сколько лет? – вдруг спросил он.

– Сорок три, – отвечаю настороженно.

– Вот, сорок три, а вы уже о памятнике подумали?

– О каком памятнике? – напрягся я.

– О своём памятнике, о своём, – глаза его заволокло дымкой, сквозь которую он смотрел на мой несуществующий монумент.

– Да рано вроде... – неуверенно проговорил я.

– Да нет, пора уже, – он вернулся на землю, в голосе появились деловые нотки, – вот вы курите?

– Нет, – сказал я, чувствуя себя несколько виноватым.

Искро-голубой немного расстроился.

– Ну, хорошо, но вы же едите?

– Бывает, – говорю.

– Вот! – обрадовался он, – а если бы ели чуть меньше, то к старости могли бы накопить на отличный памятник!

Я представил, как в детстве покупаю школьный завтрак

не за двадцать пять копеек, а за пятнадцать с тем, чтобы гривенник опустить в копилочку в виде гробика.

– Раньше люди заботились о своей памяти, ставили хорошие памятники, – мечтательно проговорил искро-голубой, – сейчас родственники из-за границы приезжают, а постамент на месте, любо дорого посмотреть. А у нас многие даже родительские могилы не навещают, не говоря уже о дедовских. Только жрут и пьют всю жизнь.

Как человек без памятника я чувствовал себя неудобно. Тем более, что поесть я люблю. Не говоря уже о выпивке.

– Менталитет, – говорю, чтобы что-то сказать. Я в последнее время, когда не знаю, что сказать, всегда говорю это слово.

– А надо как на Западе, – размечтался собеседник, – если двадцать лет никто не платит за могилу, то тело эксгумируется, а участок отходит кладбищу!

Перед его взором возникали золотые замки, купленные на деньги от продажи освободившихся могил. В оформлении строений угадывались элементы похоронной архитектуры.

Попрощавшись со служителем, я зашагал по тенистым аллеям кладбища. Был яркий солнечный день, щебетали птички, покойники лежали смиренно, каждый в своей оградке.

Обращали на себя внимание памятники, изображавшие умерших. Они были представлены в трёх масштабах: уменьшенные копии, один к одному и монументы. Монументов

было мало. То ли дорого для потомков, то ли Церетели пока не освоил эту нишу, но великанов почти не было.

Уменьшенные копии выглядели игрушечными. Их кукольный вид навевал мысли о детстве покойника. С ними хотелось поиграть.

Самыми страшными были памятники в натуральную величину. Я представил, как такой памятник смотрится ночью в тусклом свете кладбищенского фонаря. Не хотелось бы встретиться.

Я побродил между оградками с полчаса и нашёл нужную могилу. Таблички были на месте: шесть штук, прямо братская могила какая-то. Самая старая – прадед. На могиле было довольно прибрано. Оградку недавно покрасили. Все это наверняка сделал покойник, когда ещё был жив, больше было некому. Я представил его мысли о вечном в процессе этой уборки, меня передёрнуло. Сфотографировав таблички на могиле, я зашагал обратно в контору. В душе появилось радостное чувство выполненного долга. Кроме того, я чувствовал значительное преимущество себя, как живого человека, перед покойниками. Вкус жизни, так сказать.

Искро-голубой посмотрел фотографии, спросил об оградке, быстро оформил документы. Рядом какая-то женщина одновременно оформляла документы на умершего и по телефону покупала машину. И то, и другое не ладилось.

– Скажите, а сколько урн можно захоронить в одну могилу?

– Сколько родственников хватит.

Я прошёл в кассу. Передо мной крашенная в блондинку полная женщина выговаривала мужу:

– Вот так ты всегда, всё себе да о себе, даже могилу себе!

– Тася, – смущённо оправдывался тот, – это чтобы тебе не ездить документы оформлять.

– Ага, конечно, ты вот скоро умрёшь, сам на кладбище поедешь, что ли, себе место оформлять? Эгоист!

Я заплатил в кассу, забрал документы, вышел на улицу. На душе отчего-то было светло. Теперь можно и в крематорий.

Промазал

Умер Коля Фирстов. Он был очень талантливый кузнец. Говорили, что заново открыл секрет булатной стали, утерянный с давних времён. Он делал из металла потрясающие вещи. Через полгода планировалась его выставка оружия на западе. А он взял и умер. Пятидесяти не было.

О его смерти я узнал поздно, уже после похорон. Жаль, говорят на похоронах были мои старые друзья. Хотелось повидаться, со многими не виделись лет двадцать. Мы с женой поехали на девять дней. Была ранняя весна. Снег ещё лежал, но солнышко уже начало пригревать. Коля жил в деревне Бёхово, недалеко от музея В. Д. Поленова. Купил участок, построил там дом, кузню.

К сожалению, жизнь раскидала нас, мы не виделись много лет, я только один раз заезжал к нему примерно за год до его смерти. Тогда мы посидели, повспоминали старое. Договорились о новой встрече, но... дела, дела. Все бежим куда-то, торопимся, иногда пропуская важное. Я так и не заехал к нему.

Мы с супругой приехали, когда все уже собрались. Было довольно тепло и столы выставили на улицу перед домом. Мы никого не знали, было неловко. Даже с его последней женой мы были незнакомы, в наш последний визит она была в отъезде. Мы присели на краешек скамьи, нам принесли

тарелки.

Налили водки. Выпили, не чокаясь. Постепенно втягивались в разговор. Я почувствовал необходимость рассказать о нашем общении с Колей, вспомнить старые времена. Казалось, надо оправдаться, обосновать наше присутствие, чтобы мы не выглядели случайными людьми, зашедшими на халяву выпить водки. Я встал.

– Я помню Колю, как человека мужественного, настоящего и надёжного, – с чувством начал я.

Внимательные глаза смотрели на меня. Мужчины подцепили на вилки грибочки. Женщины подкладывали мужьям закуску.

– Я хочу сказать, что Коля был каким-то настоящим и честным во всем, – продолжал я.

Послышались приглушенные смешки. На лицах появились улыбки. Кто-то прикрывал рот рукой.

– И он никогда не врал, был честным и со своими, и с чужими, – вёл я свою линию.

Смех нарастал, люди за столами откровенно переглядывались, прыскали в кулаки. Несколько удивляясь реакции присутствующих, я продолжал.

– И давайте выпьем за его честность и правдивость, за его жизнь, которую он прожил честно!

И тут случилось невообразимое. Люди хохотали, утирали слезы, смех душил многих. Одна девушка пыталась выйти из-за стола, но силы её покинули, и она завалилась в су-

гроб, не переставая смеяться. Похоронное собрание гоготало. Несколько ошарашенный наступившим неожиданно всеобщим весельем, я выпил свою рюмку и сел на место. Жена недоуменно посматривала то на меня, то на смеющихся людей.

– Послушайте, товарищ, – обратился шёпотом я к сидевшему рядом мужичку, который уже отсмеялся и теперь закусывал солёными огурчиками с картошкой, утирая слезы, – а чего все так развеселились-то?

– Покойник был мастер приврать, – с полным ртом ответил мой сосед, – любил сочинять разные истории и выдавать их за правду. Даже в бытовых делах, мягко говоря, любил приукрасить, а уж что касается своих успехов, так тут только держи его. Рассказывал такие небылицы, что хоть святых выноси. В общем, с его честностью ты малость того, братушка, промазал с тостом.

Уже потом, трясясь в электричке домой, я осознал, что мои юношеские иллюзии были основаны исключительно на восторженном восприятии в таком возрасте самых обычных вещей.

Пасха

Моего дядю по маминой линии зовут Роберт Варакин. В детстве он с бабушкой на Пасху ходил в церковь святить куличи. Долгое время он думал, что на куличе пишут ХВ для того, чтобы в церкви их кулич не перепутали с другими куличами, для этого и подписано – Хлеб Варакиных.

Привет, ромалы!

Жилье наше на севере Москвы в Отрадном было удивительным. Мы жили на втором этаже, а на первом жил настоящий цыганский табор. У них даже был свой цыганский барон. Его звали Роман, и все его зубы были золотыми. Маленький, тщедушный, с толстенной золотой цепью на впалой груди, он обладал огромной властью среди цыган. И периодически стрелял у меня деньги на опохмел.

Как-то я зашёл к нему по какой-то надобности. Крысы у них в квартире бегали прямо по комнатам. На полу расположилась шайка цыганских детей, сравнимая по численности со средней группой в детском саду. Жена готовила на плите, глаз её светился лиловым синяком. Стушевавшись, я ушёл.

В нашу квартиру крысы забирались по стояку в туалете. Отец боролся с ними как мог. Потом отступил, сдал коридор. Двери в комнаты подбил снизу планками, обитыми жестью. Крысы по ночам злобно грызли углы жести, но в комнаты прорваться теперь не могли.

Потом я женился. Новый статус не позволял далее мне оставаться безучастным к крысиной экспансии. Я пошёл на ближайшую стройку и своровал цемент. Во дворе намешал раствор, набил в него пивных бутылок. Мне говорили, что цемент крысы грызут, но битые бутылки им не поддаются.

ся.

Набеги прекратились, но время от времени появлялись крысиные приведения, следы их представляли на кухне в виде погрызенных ножек у табуреток и многочисленных черных комочков.

Прошло время, и мы решили продать эту квартиру, одновременно купив квартиру на Юго-Западе. Там был университет, в котором мы учились, там жили почти все мои друзья, там протекала наша бурная студенческая жизнь. Ездить каждый день через всю Москву было неразумно.

Некоторое время мы подбирали новую квартиру, искали покупателя. Наконец, вариант нашёлся, мы оформили документы, вывезли мебель. В тот год нам жутко не везло: у нас сгорела новая квартира (сразу после ремонта), наши вещи затопило в подвале и я потерял работу. Мой друг Михалыч говорил, что у нас только землетрясения не случилось.

Тем не менее, старую квартиру мы всё-таки продали, и пришёл момент передачи ключей новым жильцам. Мы договорились встретиться с покупателем на квартире. Я приехал чуть раньше в наш бывший дом. Так просто – походить по комнатам, посмотреть, не осталось ли чего, проститься с этим жилищем. Всё-таки мы прожили там восемнадцать лет. Восемнадцать таких разных, весёлых и грустных, лет. Тут я закончил школу, сюда я привёл молодую жену, здесь у нас родилась первая дочка.

Открыл входную дверь в квартиру, вошёл. Посреди кухни

сидела огромная рыжая крыса и бесстрашно смотрела на меня. Взгляд у неё был даже не наглый, а какой-то хозяйский. Он как бы говорил: чего припёрся? Новые жильцы вот-вот должны были появиться. Увидеть крысу они не должны были ни в каком случае. Их реакция на такой фильм ужасов была предсказуема.

Лихорадочно заработала голова. Я осторожно прикрыл входную дверь и двинулся на кухню. Плотнo затворил кухонную дверь за собой. Крыса неторопливо и неохотно проследовала под мойку и скрылась там. Я огляделся и обнаружил старую швабру в углу кухни.

И началась гладиаторская битва. И содрогнулись стены от увиденного. И напился воздух страшными звуками.

Я метался по кухне, как дикий Тарзан, выбрасывая швабру, как трезубец. Крыса бегала по всем шести поверхностям кухни, включая потолок. Побоище было кровавым, мы буквально бились не на жизнь, а на смерть. Но все-таки человек не зря забрался на вершину эволюции. Мне удалось одержать победу в этом поединке.

Усталый, опустился я на пол, прикрыл глаза. Кровь гулко стучала у меня в висках. Колени тряслись.

И тут прозвенел входной звонок.

Гонка развооружения

Пока я грузил тяжёлую панцирную сетку от старой кровати, Серёга начал разбирать антресоли наверху. Я подошёл помочь. Тут под ноги мне плюхнулся тяжёлый зелёный брезентовый мешок.

– Прости, не удержал, – сказал Серёга и вытер пот, градом катившийся по его лицу. Мы с Серёгой – зятья, жены на родных сёстрах. Нынче по долгу родственных отношений мы разбираем гараж нашего тестя, предназначенный для продажи. Рем Борисович – человек запасливый, за многие годы в гараже скопилась масса «нужных и необходимых» вещей. Сломанные вешалки, сгоревшие лампочки, использованные автомобильные фильтры. Прицеп, который мы грузили в данный момент, был восьмым по счету.

Я наклонился над мешком, развязал шнурок. Из открывшегося верха вытащилась подозрительно заострённая труба. Диаметр примерно 10—12 см, наконечник покрашен в красный цвет. Я потянул за наконечник и вытащил натуральную ракету длиной около метра с четверным хвостовиком на конце.

Точно такие изображали в руках Дяди Сэма на советских плакатах.

– Что это, Рем Борисович?!

– Это – ракеты, – охотно пояснил тесть, как будто речь

шла о стиральном порошке или туалетной бумаге.

– То есть как ракеты? – растерялся я.

– Ну, так. Это я с полигона привёз из Усть-Камчатска. Мы на них зонды запускали. Думал, может быть пригодятся для чего...

– Они что, заряжены?! – спросил Серёга.

– Не, не заряжены, – Рем Борисович отвёл глаза в сторону.

– Как же вы их провезли? Как вас в самолёт-то пустили?

– Да, это было в 68 году. Я показал накладные от института, меня и пропустили...

– И что с ними теперь делать?

– Выкидывать. Хотя, конечно, жалко. Могли бы пригодиться...

Да, пенсионер с ракетами – это больше, чем пенсионер. Легко сказать – выкидывать. А если остановят? На прошлой неделе террористы как раз взорвали два дома на Каширском шоссе. Быть пойманными с ракетами на борту в такое время нам как-то не хотелось...

– Может, их закопать? – предложил Серёга.

Я окинул взглядом асфальтированную дорогу между гаражей. Вдалеке на возвышении торчала будка сторожа. Представил, как мы долбим асфальт и заинтригованный сторож подходит посмотреть, что случилось. И тут обнаруживает, что мы закапываем першинги в его родном гараже.

– Нет, – сказал я, – захоронение вооружений будем производить в следующий раз. Сегодня произведём утилизацию

ракет в места сбора мусора. Авось, никто не заметит стингеры среди остальных выкинутых сокровищ. Мы осторожно положили мешок с ракетами в прицеп, накидали сверху какого-тохлама и двинулись в путь.

– Вы там это, поосторожней... – крикнул нам вслед бывший владелец арсенала. Мы выехали из гаражей, проехали по улице, завернули в какой-то двор, остановились возле помойки. Скинули брезент с прицепа, стали выгружать. Первым делом на дно мусорного бачка лёг мешок с ракетами.

Неожиданно за нашими спинами послышался скрипучий старушечий голос.

– Вы почему в нашем дворе свой мусор выкидываете?

Сухонькая старушенция с фиолетовыми буклями была настроена воинственно.

– Мы двор перепутали, – неуклюже соврал я.

– Так я вам и говорю, езжайте в свой, оглоеды, – затрясла головой старушка. Шея её была настолько тонкой, было страшно, что у неё отвертится голова и покатиться по асфальту, рассылая проклятия.

– Бабуль, ваше-то какое дело? – не сдержался Серёга.

– Ах, моё какое?! – затряслась эта шапокляк, – я вам покажу какое моё дело, я вам сейчас покажу какое...

Пылая праведным гневом, она полезла в сумочку, достала клочок бумаги и стала на нём записывать номер нашей машины. У меня перед глазами встала картина, как при погрузке в мусорную машину грузчик обнаруживает мешок с ра-

кетами, приезжает милиция, сквозь оцепление прорывается наша старушенция с высоко поднятым над головой клочком бумаги, на котором записан номер моей машины.

Мы с Серёгой переглянулись и стали грузить мусор обратно. День сегодня не задался. Борьба с гонкой вооружений оказалась нелёгкой задачей.

Вырулив из двора, мы поехали, заглядывая во дворы и ища достаточно вместительную помойку. Нам долго не везло. Наконец Серёга усмотрел в каком-то дворе полупустой контейнер. Я уже собрался туда завернуть, как навстречу нам вырулила милицейская машина. Мы встали друг напротив друга.

Милицейская машина посигналила, дверь её распахнулась и из неё вывалился толстый майор с внешностью Карабаса-Барабаса.

– Так, молодые люди, что везём? – спросил он, плотоядно глядя на прицеп, закрытый брезентовым чехлом.

– Мусор, – сказал я, глядя ему в переносицу широко открытыми глазами. Мне всегда кажется, что такой взгляд позволяет поверить в мою честность. Ну, или хотя бы глупость.

– Мусор, – не поверил майор и поправил потёртый автомат на плече, – давайте посмотрим на ваш мусор.

Мы ослабили верёвки, откинули край брезента. Майор заглянул, пошарил рукой среди старых вещей, вытер руку о куртку.

– Это откуда столько дерьма?

– Тесть гараж продал. Вот, освобождаем.

– А сам тесть где? – подозрительно прищурился майор и зачем-то понюхал воздух.

– В гараже разбирается, – сказал Серёга.

– В гараже... – задумчиво протянул Карабас-Барабас, обошёл прицеп, откинул полог с другого конца прицепа и протянул руку к зелёному мешку, – а это что?

– Это лучше не трогать! – тревожно сказал я.

– Почему это? – заинтересовался майор.

– Там... это... лучше не открывать!

– Да ладно, – оскалился майор. Он был похож на питона, учуявшего встревоженного кролика.

– Не надо! – заорал я, – там... там... там дохлая кошка!

– Чего-о?! – недоверчиво протянул майор, но рука его остановилась.

– Дохлая, разложившаяся кошка! Если открывать, то только с противогазом. У вас есть противогаз?

– Какой противогаз! – заорал майор и лицо его стало цвета перезревшей вишни. Он схватил мешок и развязал верёвки. Серёга втянул голову в плечи. Я подумал о родителях.

Майор выхватил мешок из прицепа и высыпал его содержимое на мостовую. Из него посыпались какие-то старые автомобильные детали.

– Шутка, – сказал Серёга с похоронным выражением лица.

– Идиоты, – сказал майор, – так это же строительный му-

сор, его здесь выкидывать нельзя, везите на свалку, благо она рядом.

– Рядом? – протянул Серёга растерянно.

– Да за кольцом сразу направо, там указатель. Впрочем, я в ту сторону сам еду, езжайте за мной, провожу.

Мы с трудом развернулись (я чуть не въехал прицепом в урну) и поехали за милицейской машиной в сторону МКАДа.

– У моряков это называется «взять за ноздрю», – резюмировал Серёга.

Карабас довёз нас до самых ворот свалки и даже помигал поворотником, указывая на её ворота. Делать нечего, нам пришлось заехать внутрь. Мы припарковались.

– Пойду узнаю, – сказал я и отправился в бытовку, стоящую у ворот.

Внутри сидел сухонький старикашка в очёчках. Он читал газету «Спид-Инфо» и время от времени смеялся тихим скрипучим смехом.

– Дедуля, сколько стоит мусор выкинуть?

– Какая организация? – дед с неохотой отложил газету.

– Никакая. Частным порядком.

– С частными лицами не работаем.

– А за денюжку?

Старичок прищурился.

– Кассового аппарата нет.

– Да мне чек не нужен.

– А почём мне знать, что ты не из ОБХСС?

– В этом вы можете быть уверены. Её упразднили в 92 году.

– Ну, ещё откуда-нибудь, – дед Щукарь сверлил меня рентгеновским взглядом.

– Да ниоткуда мы! – раздосадовано сказал я, – тестю гараж освобождаем!

– Воруете, – понимающе кивнул старичок, – чего за мусор-то?

– Да хлам всякий.

– Ладно, идём, посмотрим.

Мы вышли к машине. Серёга откинул полог, старичок заглянул в прицеп и весело крикнул.

– Ладно, давайте пятихатку и ездайте на сортировку.

– На какую сортировку? – недоуменно спросил Серёга.

– На обыкновенную, мусор сортировать.

– Зачем? – спросил я.

– Вы прямо как сейчас родились. Знаете сколько в мусоре полезных вещей можно найти? Вы ж, бестолковые, выбрасываете всё, что под руку попадётся. А мы живём на этом. Стекло сдаём, металлолом – на переплавку, радиоприборы – на детали. Кстати, ваш номер машины записал, если что важное найдём, документы там какие или ключи, так это мы позвоним. Народ даже вознаграждение платит за находки. Вы телефончик оставите?

– Тьфу, – Серёга начал закрывать прицеп чехлом.

– Спасибо, дед, мы передумали, – грустно сказал я и полез в машину.

Мы развернулись и выехали за ворота, оставив хранителя помойки в некотором недоумении. Боеприпасы не отпускали нас. На перекрёстке я свернул направо, и мы стали удаляться от города.

– Ты куда? – спросил Серёга.

– На кудыкину гору, – сказал я, – в лесу закопаем и дело с концом.

– Логично, – сказал Серёга.

Мы свернули на какой-то просёлок, проехали метров сто вглубь леса и остановились. Лес темной стеной обступил нас. Мохнатые еловые ветки нависали над головой. Вдали угрюмо куковала кукушка. Мы выбрались из автомобиля. Серёга стал развязывать верёвки. Я полез в багажник за сапёрной лопаткой, которую возил на случай застревания в сугробах.

– А где? – растерянно спросил Серёга.

– Что – где?

– А где ракеты-то?

Ракет не было.

– Странно. Серёг, а ты от машины не отлучался?

– Вообще, отлучался. Ты когда ушёл, я в кусты отбежал.

– А у машины кто-нибудь вертелся?

– Да был какой-то бомж, но он сразу ретировался, когда я подошёл.

– Ясно. Нас обокрали...

– Да, но у них наш номер машины, – встревожился Серёга.

– У кого у них-то? Номер у сторожа, а украл какой-то бомж. Он сторожу ни за что про это не скажет, а сам попытается толкнуть эти ракеты кому-нибудь.

– Ракеты толкнуть?! – Серёга в ужасе воззрился на меня.

– Да не волнуйся ты, там заряда – даже курятник не хватит взорвать, – улыбнулся я, – ладно, поехали.

Лучшее отношение к природе – это когда природа не замечает твоего присутствия. Не желая засорять лес мусором, мы отвезли его до ближайшего контейнера в городе. Благо в этот раз нам никто не помешал это сделать. Поставили машину у дома, поднялись к Рему Борисовичу.

– Ну, спасибо вам, ребятки, – тесть налил нам по рюмочке, – а ракеты, конечно, жалко...

Дуня

Я приехал к маме в деревню рано утром. Было морозно, снег был молочно чистым, сквозь белёсые облака пробивалось тусклое зимнее солнце. Я наносил дров из сарая, наполнил все ведра водой из колодца, расчистил от снега дорожки. Сели пить чай.

– Илюш, а я ведь кошке имя дала.

Кошку я подобрал два года назад зимой на деревенской улице, и была она в то время маленьким черным комочком. С тех пор на маминых харчах она капитально отъелась и стала вальяжной упитанной пантерой с блестящей чёрной шерстью и ярко-жёлтыми куинжевскими глазами. Почему-то до этого кошке не дали никакого имени, а звали просто – Кошка.

– Любопытно. И какое же?

– Дуня.

– Прекрасно.

Ну, Дуня так Дуня. Вполне деревенское имя для кошки. Я давно привык не задавать маме лишних вопросов, чтобы не получать ответов, не совместимых с жизнью.

– А знаешь почему?

– Почему?

– Потому что к ней ходит абсолютно рыжий кот, которого я зову Чубайсом.

Как известно, есть такой режиссёр, актриса и продюсер Дуня Смирнова, которая вышла замуж за другого одиозного персонажа приватизации – Анатолия Чубайса.

Остров Дружков-Пирожков

Звёздочки

Однажды Шафранову пришла повестка в военкомат. Естественно, как любой нормальный человек, он опустил её в мусорное ведро и забыл. Однако через неделю пришла ещё одна. Её постигла та же участь. Через неделю – ещё одна. Наконец, ему это надоело, и он решил сходить. Ради любопытства, ведь он к тому времени уже вышел из призывного возраста.

Приходит. Его приглашают прямо к военкому. Тот поднимается из-за стола, торжественно жмёт руку:

– Товарищ Шафранов, поздравляю вас, вам присвоено следующее воинское звание – старший лейтенант.

«Ничего себе», – думает Шафранов.

Ну, вечером, понятное дело, грандиозная пьянка, друзья поздравляют, звёздочки обмыли, звание отметили. Такой повод, сами понимаете. Даже погоны подарили ради прикола, кто-то не поленился в «Военторг» съездить.

Через неделю Шафранов обнаруживает в своём ящике... ещё одну повестку.

«Ого, – думает, – неужели капитана дали?!» Идёт в военкомат, его сразу к военному. Тот поднимается из-за стола:

– Товарищ Шафранов, просим извинить, вам ошибочно присвоено звание старшего лейтенанта.

Ну, вечером, конечно, опять пьянка. Друзья собрались. Дело как же – друга разжаловали...

Чуни

1990-ый год мы встречали у Серёжи Зотина в новой квартире. Настолько новой, что в ней не было даже мебели. Однако нам это совсем не мешало, ведь мы были студентами. Мы сидели на каких-то подушках, пили шампанское, играли на гитарах, жгли бенгальские огни – и нам было хорошо.

Немного за полночь Михалыч по своей старинной привычке уснул прямо посреди всеобщего веселья. Всё бы ничего, но Михалыч имеет обыкновение храпеть как самолёт, прогревающий двигатели перед взлётом. Я был свидетелем, когда целый плацкартный вагон не спал всю ночь, слушая его трели. Будили его раз пятьдесят, но он каждый раз успевал захрапеть быстрее всех, не оставляя никому шанса уснуть.

В общем, через некоторое, не очень продолжительное время храп Михалыча стал нарушать гармонию новогоднего вечера. Тогда Серёжа Зотин, большой выдумщик разных идей, предложил положить Михалыча в лифт, чтобы он там временно покатался и не мешал отмечать праздник. Я выступил против. Мне казалось, что нехорошо так поступать с бесчувственным телом друга. Да и в милицию его могли забрать, в начале 90-х с этим было строго, с пьяными не церемонились, да и вытрезвители работали исправно. Мы с Серёжей немного поспорили (минуток пятьдесят примерно) и не пришли к консенсусу.

Потом, как часто бывает на весёлых праздниках, я на что-то отвлёкся, и, когда опять вспомнил о Михалыче, его уже не было среди друзей. Не было и моего противника. Страшная догадка пронзила мой возбуждённый мозг. Я бросился спасать друга на лестницу и в дверях столкнулся с довольным Зотиным. И сразу понял, что он осуществил свой коварный план, и бедный Михалыч уже запущен в неконтролируемое путешествие между этажами.

Первое, что мне пришло в голову, нажать кнопку вызова лифта. Как ни странно, такое простое действие сразу привело к положительному результату. Приехал лифт, двери открылись, и я увидел следующую картину. Вдоль стены лежал полосатый матрасик с подушечкой, на котором мирно посапывал Михалыч. Рядом стояла табуреточка, на которой расположились рюмочка водочки, кусок чёрного хлебушка и огурчик на тарелке. Картину довершала малюсенькая наряженная ёлочка.

Взвалив бесчувственное тело, я как раненного бойца вытащил друга из лифта и дотащил до квартиры, где положил в незанятую комнату мирно почивать. Я чувствовал себя героем, выполнившим свой долг. Умиротворённый, я присоединился к общему веселью и скоро забыл о Михалыче.

Через некоторое время я решил проведать, как он там, мой друг. Михалыча на месте опять не было! Это начинало надоедать, но я уже знал, что делать. Пошёл в лифт, вытащил Михалыча и вернул на место. Однако Зотин был тоже упря-

мым шутником, и борьба за Михалыча продолжилась.

Перегрузив Михалыча раз пять или шесть туда-сюда, мы несколько подустали, всё-таки в нём было килограмм восемьдесят пять, не меньше, и решили выпить. За рюмкой наш высокоморальный спор продолжился, но компромисса мы так и не достигли.

Отдохнув, я уже как на работу отправился к лифту. Вызвал, приехала кабина, открылись двери. Матрасик был пуст. «Забрали!» – подумал я в ужасе, вскочил в лифт и поехал на первый этаж. Вышел на улицу. Какая-то пьяная компания запускала фейерверки. Мороз щипал за уши. Михалыча нигде не было.

Удручённый, вернулся я в квартиру. Рассказал всем о пропаже Михалыча. Со свойственным молодости цинизмом все выпили за него, и веселье продолжилось. Решили идти за ним в ближайшее отделение милиции наутро, поскольку сейчас уже мало кто умел ходить. Да и забрать могли всех в таком состоянии.

Часа в три ночи в квартире раздался звонок. На пороге стоял покачивающийся, как дерево в непогоду, Михалыч. На ногах его были чуни, сделанные из картонных коробок, которые он нашёл где-то в подъезде.

– Холодно ходить в носках по плиточному полу, очень холодно, – бормотал он.

Оказалось, он проснулся в лифте, выпил приготовленную рюмку водки, которая стояла на табуретке, закусил огурчи-

ком и вышел как ни в чем ни бывало, двери закрылись, лифт уехал.

Оказавшись на каком-то этаже в одних носках, Михалыч стал думать, что дальше делать. Номера квартиры Зотина и даже этажа, на котором она находилась, он не помнил. Сотовых телефонов тогда, не поверите ли, не было. Оставался один путь. Он сделал чуни из картона и двинулся в путь. Зотин жил на одиннадцатом этаже, Михалыч вышел на третьем. В общем, ему пришлось последовательно обойти все квартиры с третьего до одиннадцатого этажа прежде, чем он попал обратно к нам. В каждой квартире на этом пути народ встречал его весело. Практически везде смеялись и наливали. Пытались зазвать в гости. В одном месте даже нарядили Дедом Морозом и водили в хороводе вокруг ёлки.

Когда мы открыли дверь, первое, что сделал Михалыч, это снял чуни и надел свои зимние ботинки. «Братцы, думал, совсем потерялся...» – сказал он и радостно засмеялся.

Операция «Белочка»

И в этот момент Шафранов вдруг ясно осознал, что разработанная операция летит псу под хвост. Долгое планирование, обсуждения, разработка, перелёт через Атлантику, сотни баксов, истраченных на операцию, и сама её идея – всё это было вмиг перечёркнуто его мимолётной ошибкой, как только он на минуту отвлекся от операции. Всё летело к чертям. Джип Старины Зотина равнодушно удалялся, перечёркивая все планы...

А началось всё двумя днями ранее, когда мы прибыли в аэропорт для отправки. Сначала отменили самолёт, на котором мы должны были выдвинуться из Москвы. Имя предполагаемого крылатого друга было Fokker. Название ассоциировалось со Второй мировой и было подозрительным. Подозрения оправдались – самолёт не полетел. Мы с Михалычем загрузили, ведь более позднее прибытие ставило под угрозу всю нашу операцию. Наконец, часа через три авиакомпания разобралась в собственных проблемах, и всех пригласили на посадку. Михалыч и я неприметно погрузились на борт в числе прочих пассажиров, и самолёт направился в сторону Северной Америки.

Мы летели с двумя пересадками – в Вене и в Торонто. Причём в Вене из-за переноса рейса у нас было всего 25 минут на пересадку. Но миссия была слишком важна, чтобы

опаздывать, и мы успели на рейс. Самолёт взял курс на Торонто.

Над Атлантикой было страшновато, самолёт трясло. Мы забоялись безбрежно раскинувшегося где-то внизу необъятного океана и решили выпить для смелости. Однако правила запрещали принимать алкоголь во время полёта. Тогда нами был изобретён Универсальный Хобот. Мы вставили бутылку коньяка в рукав куртки, а саму куртку положили между сидениями. Теперь можно было комфортно и без опасений быть застигнутыми врасплох стюардами отхлёбывать коньяк.

А вот в Торонто начались приключения. Шафранова неожиданно задержали на таможне. То ли пушистые усы Михалыча привлекли сотрудников, то ли его славянская внешность не давала им покоя, но его остановили, задали пару вопросов и вежливо попросили пройти в комнату досмотра. Напрасно я пытался сказать, что это мой шеф, что он не знает английского, что я его помощник и буду очень полезен в общении. Красивая канадская девушка в форме таможенника вежливо объяснила, что у них есть собственные переводчики с русского, помощь не требуется, и настойчиво попросила меня пройти дальше на выход. Было понятно, что спорить с ней не стоит.

Я вздохнул, перехватил в другую руку ручку чемодана и зашагал дальше по коридору. Пройдя до его конца, я обнаружил, что прямо передо мной находится выход в город, а указатель налево сообщает о том, что туда должны на-

правляться транзитные пассажиры. Пришлось остановиться и терпеливо ждать, пока отпустят моего напарника.

Мимо непрерывным потоком шла цветастая толпа пассажиров и лениво выплёскивалась в город. От пластиковых стен веяло тотальным безразличием. Искусственное освещение подчёркивало равнодушие окружающей среды. Никому ни до чего не было дела.

Скользя от скуки взглядом по стенам, я заметил, что транзитный коридор как бы огибает зону досмотра пассажиров. То есть не исключено, что у зоны досмотра был ещё один выход, который, минуя обычный путь, позволял выйти пассажирам прямо к гейтам. В этом случае Шафранов может не догадаться, что его ждут в транзитном коридоре, он спокойно выйдет прямо к рейсам и, не обнаружив напарника, направится на посадку. Решив проверить свою теорию, я пошёл вдоль транзитного коридора, чтобы посмотреть, есть ли там второй выход.

А в это время освобождённый из таможенных пут Михалыч прошёл прямо по коридору и, не замечая указателя на транзитные рейсы, преспокойно вышел в город. Ну, то есть не совсем в город, а в общий зал, где находятся и встречающие, и провожающие, и будущие пассажиры. Бурлящая толпа втянула Михалыча, двери за ним захлопнулись, и мы оказались отрезаны друг от друга правилами безопасности аэропорта. Шафранов быстро понял свою ошибку, попытался сунуться обратно, но вежливый полицейский не пу-

стил его.

Не обнаружив второго выхода из зоны досмотра, я спокойно возвратился на прежнее место и продолжал терпеливо ждать друга, не подозревая, что тот уже прошёл мимо и теперь через общий зал направляется к посадке.

Немного покрутившись у стоек регистрации, Шафранов решил, что я уже прошёл на посадку и отправился туда же. Ситуация усугублялась тем, что в Канаде другой стандарт сотовой связи и наши сотовые телефоны не работали.

Добравшись до нужного гейта, Шафранов и там меня не обнаружил. Странно, подумал он, почему это Гукер меня не дождал. Вечно он торопится. Решив, что я уже в самолёте, он прошёл на посадку и дальше – в самолёт. Но и в самолёте Гукера не оказалось. Вернуться назад не было никакой возможности. Заревели двигатели, самолёт с Михалычем вырулил на старт и, легко оторвавшись от земли, улетел в Ванкувер. Ну, наверное, Гукер на другом самолёте отбыл, подумал Шафранов и заснул.

А в это время я второй час торчал у выхода из транзитного коридора. Начиная подозревать что-то неладное, я попытался вернуться в зону досмотра и узнать что-либо о своём друге. Однако это не удалось. Политика у канадских таможенников (как, вероятно, и у таможенников всего мира) простая: никакой информации. Ну, то есть вообще никакой: задержан ли человек или не задержан, находится ли он в зоне досмотра или нет, нашли у него что-то или отпустили с ми-

ром. Был человек – и нету больше никакого человека. Ирония ситуации заключалась в том, что все явки и пароли, телефоны и адреса в Ванкувере были только у меня, а у Михалыча не было ни одного телефона, ни одного адреса.

Тем временем я бегал по всему аэропорту в Торонто, давал объявления по радио, ругался с таможенниками, нашёл русскую девушку Татьяну, которая работала в службе безопасности аэропорта, и через неё пытался что-то выяснить. В конце концов, я позвонил резиденту Кузину и доложил, что мол так и так, замели дружка нашего Шафранова – может героин кто подбросил, может политическая провокация, а может и шпионский скандал.

Резидент немного подумал и ничего не сказал конкретно. Тут и время разговора кончилось, оплата разговора была повременная. В аэропорту были такие телефонные таксофоны, в которые надо было кидать 25-центовые монеты. Ушлые канадские киоскёры наотрез отказывались менять деньги просто так и требовали что-то купить. Накупив сначала всякой дряни, я пришёл к выводу, что самый правильный в такой ситуации продукт для размена денег – это пиво.

Разменяв очередную порцию монет и попутно освежившись пивом, я опять позвонил резиденту Кузину и спросил, что делать. Ответ резидента был короток, но мудр: сидеть дальше в Торонто не имеет смысла, лети в Ванкуверск. За этим ответом скрывалась не только житейская мудрость резидента, но и большая проделанная работа. Дело в том,

что в перерыве между двумя разговорами резидент позволил своему муниципальному депутату, поднял его с постели и потребовал, чтобы тот связался с таможенной службой аэропорта в Торонто и выяснил, куда делся наш товарищ. Изумившись канадским реальностям (попробовал бы простой избиратель поднять российского депутата с кровати по такому вопросу), я с интересом поинтересовался, что удалось выяснить. Ничего – был ответ резидента. Депутату тоже не выдали никакой информации строгие таможенные сотрудники. В общем, резидент дал мне команду лететь в Ванкувер. Если Шафранова замели всерьёз, то ему уже не поможешь. Если нет, то он и сам разберётся.

Скрепя сердце, я пошёл менять билет. За стойкой сидела необъятных размеров негритянка с ярко покрашенными губами. Бюст её мощно раскинулся на большей половине стойки регистрации. Опасливо приблизившись, я на своём неуверенном английском изложил ситуацию. В душе я подозревал, что сейчас получу взбучку за пропуск рейса и меня заставят покупать новый билет за полную стоимость. Деньги у меня были, но их было мучительно жалко. Услышав мой русский акцент, негритянка неожиданно расплылась в улыбке и сообщила, что её сестра учится в институте им. Патрица Лумумбы в Москве. Ни один фестиваль дружбы народов не укрепил так связи между нациями, как прекрасный Лумумбарий. «Через пятнадцать минут рейс, ты успеешь?» – спросила дочь африканского этноса. «Не вопрос», – ответил

я, получил новые билеты и побежал на посадку. Даже успел прихватить в дьюти-фри несколько бутылок пива.

Погрузившись в кресло самолёта, я открыл бутылку пива и стал мучительно переживать, что предательски бросил друга на произвол судьбы. Оставить товарища в лапах торонтовских таможенников – это было настоящее предательство. Самолёт набирал высоту.

А в это время Михалыч приземлился в Ванкувере, получил багаж, вышел на площадь перед аэропортом и стал думать, что ему делать дальше. Как говорилось ранее, никаких координат резидента Кузина он не знал. В гостинице не оказалось мест. Сотовый телефон не работал. Жизнь зашла в тупик.

Но не так просто загнать в угол Дениску Шафранова, простого дубнинского паренька, выбившегося в люди. Немного пораскинув мозгами, он быстро сообразил позвонить в Москву моей супруге, которая тоже была в деле и сразу выдала все явки и пароли. После этого он дозвонился до резидента Кузина, и тот забрал его из аэропорта.

Сев в самолёт, рядом с собой я обнаружил симпатичную девушку. Недолго думая, предложил ей пива, и она неожиданно согласилась. Разговорились. Девушку звали Дженни, она работала тренером по спортивным танцам в Париже и сейчас летела в гости к друзьям в Ванкувер. Аромат Парижа кружил голову. «А я вот друга в Торонто бросил», – расстроено сказал я. И стал прочувствованно рассказывать,

какой классный у меня друг, как мы долго и тесно дружим и как я отвратительно поступил, оставив его одного в мрачной торонтовской таможне. Поговорив о друге минут пять и подробно рассказав, какой он замечательный, я вдруг заметил, что Дженни замолчала и не принимает участия в разговоре. Что-то сломалось, расстроилось в общении. «Что же случилось?», – лихорадочно думал я. И тут меня пронзила ужасная догадка: она думает, что я голубой!

Помолчали ещё немного, и тут, не придумав ничего лучше, я выпалил:

– Я не голубой!

Дженни в ужасе отодвинулась от меня и вцепилась в подлокотники кресла. «О, господи, кажется, нарвался на харрасмент», – подумал я. Самолёт шёл на посадку.

Быстро добравшись на такси до апартаментов резидента Кузина, я упал в объятия друзей. Так завершилась предварительная часть операции.

Утром следующего дня подъем был назначен на 7:30. Оставался час до момента выхода Старины Зотина из дома. Было необходимо, чтобы Шафранов успел туда добраться и занять позицию. В это же время я выдвигался в сторону офиса Старины, чтобы там провести вторую часть операции.

По тревоге был поднят резидент Кузин, который вызвал для друзей два такси, а сам отбыл на работу, дабы не вызвать подозрения у Зотина. Ырка, жена резидента, очень удивилась, что все заговорщики и сам резидент смогли встать.

Но мастерство не пропьёшь: операция началась по плану.

Прибыв на место, Шафранов занял позицию у выезда из дома Старины Зотина и принялся ждать. Он переоделся спортсменом и должен был пробежать перед машиной объекта, как будто он поутру просто бегаёт трусцой в своём районе.

Ранее утро было прохладным. Пустынность улиц подчёркивало отсутствие заборов на участках. Медицинская чистота асфальта создавала ощущение нереальности происходящего. Шафранов размялся, пробежал туда-сюда мимо дома Старины Зотина и немного замёрз. Он уже начал приседать и размахивать руками, когда неожиданно автоматические ворота стали быстро подниматься, оттуда выскочил чёрный джип, повернул налево и стал стремительно удаляться в противоположную от него сторону.

Вот тут-то Шафранов и понял, что их операцию постиг крах, все их усилия напрасны и план накрылся.

Но не таков был Михалыч, чтобы так просто сдаться. Собравшись с духом и призвав на помощь всё своё мужество, бросился он через заросли по направлению к главному шоссе, на которое в конце концов должен был выехать Старина Зотин на своём джипе.

Между улицей, на которой располагался дом Старины, и основной магистралью была лесополоса шириной метров около двадцати, густо поросшая ёлками, кустарниками, ежевикой и малиной. И вот Шафранов, расцарапывая ноги

в кровь, обдирая локти и отмахиваясь от веток, ополоумевшим медведем понёсся через эту чащобу. Продираясь через заросли, он лихорадочно думал, как бы принять спокойный и независимый вид, когда он выскочит на тротуар. Ветки хлестали по лицу, колючие кусты царапали обнажённые ноги, руки с ловкостью обезьяны раздвигали густые джунгли. Он был похож на Тарзана, только белоснежная майка и короткие шортики несколько исказили впечатление. Спустя несколько минут Михалыч выскочил на шоссе с другой стороны. Это был последний шанс спасти операцию, и он, влекомый законами дружбы и товарищества, с честью использовал его.

И вот вылетает он на главную магистраль и с ужасом видит, что джип подъезжает к перекрёстку со стороны зотинской улицы, но поворачивает не к нему, а опять в противоположную сторону. И резво уносится вдаль.

«Вот и всё, товарищи», – подумал Шафранов. Алес и полный капут. Усмешка судьбы и ирония смысла. Порой поражаешься жестокости и бесчеловечности жизни.

Делать нечего, грустный Михалыч побрёл по улице в сторону своих оставленных вещей. Тяжёлые думы одолевали его. Как рассказать о случившемся друзьям? Как объяснить свой провал? Может быть, есть какая-то возможность исправить положение?

И вдруг прямо на него выруливает огромный чёрный джип, останавливается, плавно опускается тонированное ок-

но – и из него, указывая на Михалыча пальцем, обалдевший Старина Зотин кричит: «Шафранов!!!».

А надо сказать, что у Шафранова была чёткая инструкция: не заговаривать с объектом *ни при каких обстоятельствах*. Ну, то есть вообще, что бы ни случилось, не произносить ни одного слова. Эта установка чётко сидела в его сознании. Но в такой критической ситуации и ничего не ответить было нельзя – слишком неожиданно для него это случилось и слишком настойчиво Старина Зотин обращался непосредственно к нему. Поэтому от неожиданности Шафранов неуклюже показал на себя пальцем и издал такой неопределённый звук: «Э-э...». Зотин ещё раз громко и настойчиво сказал «Шафранов!!!», пытаясь докричаться до ошарашенного человека на тротуаре. Понимая, что дальше тянуть нельзя, Шафранов зачем-то отряхнулся и как ни в чём ни бывало побегал трусцой прочь. Первый эпизод операции был реализован и в душе гремели праздничные литавры. Получилось!

А Старина Зотин, изрядно ошарашенный происшедшим, поехал дальше на работу.

// сообщение Старины Зотина в форуме //

Случай на дороге

Отвёз я сегодня детей в школу и еду на работу. Только вывернул от школы, смотрю, вдоль дороги идёт Шафранов. Ну, я тряхнул головой и сказал себе «бред» (откуда Ша-

франову взяться в *Sunshine Hills Delta*?). И хотел было поехать дальше, но, посмотрев ещё раз, понял, что не могу обознаться – это точно Шафранов. Совершенно очевидный, ну то есть 120 процентов.

Я тут же потерял всякую деликатность, открыл окно, показал на него пальцем и заорал: «Шафранов!!!» Мужик, разумеется, меня не узнал (ну, откуда Шафранову взяться в *Sunshine Hills*?), но сделал это так похоже на Шафранова (показал на себя пальцем и сказал «э?», я такой жест у Шафранова тысячу раз видел), чем ещё больше убедил меня, что передо мной именно он. Я даже подумал, может я так сильно изменился? Я ещё более настойчиво показал на него пальцем и ещё раз громко произнёс: «Шафранов!» Мужика это почему-то не убедило, и он отказался признать очевидное. Тут и до меня дошло, что при всем сходстве поведение явно неадекватное. Я быстро пробормотал «*Sorry, my mistake*» и поехал дальше, мучаясь совестью за то, что бросаюсь на прохожих с воплями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.